

Максим Кантор, контрреволюционер

Моск. новости. **ЖИВОПИСЬ** - 6-13 июля,
- 1997, - с. 21

В Венеции завершилась очередная двухгодичная выставка изобразительного искусства (биеннале), на которой павильон «Россия» был целиком оформлен Максимом Кантором. По возвращении художника из Венеции с ним встретилась корреспондент «МН» Марина Давыдова.

- Ваш павильон на венецианской биеннале был воспринят как конфронтация к постмодерну, занимающему на выставках господствующее положение. Это случайность или сознательное желание не примыкать к так называемому мейнстриму?

- Меня всегда занимала эта терминологическая чехарда. Мы говорим - мейнстрим, чтобы не сказать «крыша», мы говорим - авторитет, заимствуя это понятие из какого-то солнцевского жаргона. Но я не вхожу в мейнстрим и не работаю с авторитетами. Я сам по себе - не с коптевскими и не с солнцевскими. Вся эта терминология лишней раз доказывает: сознание советских культурных деятелей при переходе в новое политическое пространство нисколько не изменилось. По-прежнему, как в годы господства «соцреализма», художникам хочется пристроиться к какой-то большой компании и иметь начальника. В качестве нового большого брата теперь выбран постмодернизм, в соотнесении с которым стали измерять себя русские культурные деятели. Все это отдает чудовищной провинциальностью. Отечественный постмодернизм напоминает пионервожатаго: он держит речь перед пионерами о Карле Марксе, которого никогда не читал. К тому же новые французские философы Деррида, Делез, Лакан вовсе не являются истиной в последней инстанции. Есть и другие философы, и другая жизнь.

Московская же интеллигенция наивно полагает, что именно это направление является главным и доминирующим на Западе. В силу привычной российской ментальности сформировалось что-то вроде нового политбюро, ориентирующегося на чужие, плохо усвоенные положения, возник свой маленький Союз художников. И внутри этой маленькой песочницы происходят какие-то игры. Я в этой песочнице находиться не хочу. У меня свое ведерко и свой совочек.

- Парадокс, вероятно, заключается в том, что художники постмодерна всегда декларировали свою маргинальность. Но теперь, когда маргинальное явление стало пресловутым мейнстримом, получился странный перевертыш.

- Произошло то, что на философском языке называется «перформативная контрадикция» - ситуативное противоречие. Когда революционеры становятся все, что, собственно, ниспровергать? Если все авангард, то нет основных войск. Постмодернизм возник в послевоенной Европе, уставшей от тирании и тотальных режимов. Это было похоже на самозащитную реакцию, ибо постмодернизм деформирует любое тотальное утверждение. Но теперь деструкция стала салонной моделью поведения. Конец XX века отмечен декадансом постмодерна. Он по-прежнему выдает себя за радикализм, но на самом деле это игрушечный радикализм. Фигура прирученного домашнего авангардиста уже не волнует общество, а скорее его успокаивает. Ведь очень приятно иметь своего радикала на коротком поводке.

- Можно сколько угодно не любить мейнстримы, но он все равно диктует свои правила игры. Вам, например, пришлось писать

концепцию собственной выставки. Это очень показательно. Искусство постмодерна как раз и отмечено тем, что эстетическая составляющая из визуальной области все больше перемещается в область манифестов, программ, деклараций.

- Грубая ошибка концептуализма состоит в приращении слову «концепция» прикладного смысла. Если существует образ, то концепция в нем по необходимости присутствует. Самостоятельные концепции возможны только в религии или философии. И я поэтому не претендую на то, что создаю концепции. Я не Платон и не Аристотель, а концепция рассыпанных морковок - это не концепция.

- Так вы полагаете, все дело в каких-то не очень хороших дядях, которые объединились в новое политбюро? Но есть же и объективные закономерности разви-

тия искусства, которые в конце XX века привели к тому, что живопись исчерпала свои возможности. И повальное увлечение «рассыпанными морковками» в этом смысле симптоматично.

- Время, которое мы сейчас проживаем, - это время усталости века. Века длинного, тяжелого и великого, с настоящими, а не только «морковочными» концепциями. Как всякий век, он заканчивается иронией, деструкцией, осмеянием того, что было его принципами, он заканчивается декадансом, и заговор

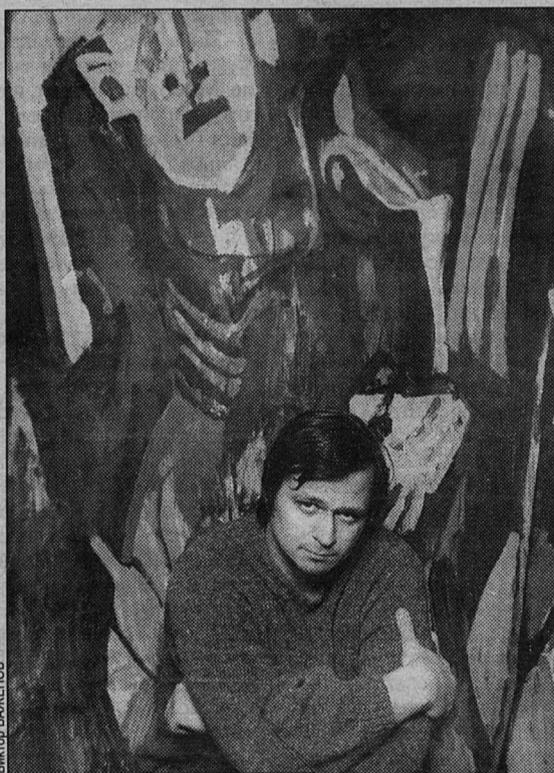
осредственностей - естественная среда обитания этого декаданта, пена, венчающая пивную кружку века.

За последние 30 лет попытались похоронить не только живопись, но и поэзию, и роман, то есть любую конкурентную форму, описывающую и создающую образ, ибо образ - это то, чего искусство декаданта не создало и не может создать по определению. Он был дезавуирован самими разными способами, иногда талантливыми. Особенно поначалу, потому что, когда образ дезавуируется первый раз, героем делается сам художник и провокатор, на краткий миг подменяющий образ собой. Но процесс разрушения не может длиться вечно. И симфония, которая есть не что иное, как упорядочивание человеческих чувств, роман, который есть не что иное, как история жизни, портрет как создание лица по образу и подобию Божию заменить ничем не удалось и не удастся.

То, что мы сейчас переживаем, - просто локальный момент истории. И я уверен, что рациональная школа, которая сделала Запад Западом, рано или поздно деструкцию победит. Ведь из деструкции никогда не возникнет конструкция, и ирония хороша после обеда, но не вместо обеда.

- Вера в возрождение фигуративного искусства не кажется вам в этом свете наивной?

- Термин «фигуративное», вероятно, не очень точный. Правильнее говорить об искусстве, создающем образы, или о пластическом искусстве, ибо пластика - это ответ художника на вызов истории. И чем он серьезнее, тем больше надежд у человечества, что оно эту историю достойно проживет.

ВИКТОР БАЖЕНОВ

Максим Кантор